

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 130.2 : 165.721

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В ПРОЦЕССЕ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА

М. Т. Асланова*Ставропольский
государственный
университет**e-mail:
sgu.marishka@mail.ru*

В статье рассматриваются изменения в социальных институтах в процессе рационализации европейского общества. Выявляется взаимосвязь между процессами рационализации институтов и рационализацией систем мышления. Определяются основные источники социальной рационализации их первичность по отношению к политическим правовым, экономическим институтам.

Ключевые слова: социальные институты, рационализация, ценности, модернизация, общество.

В процессе социальной рационализации, который начался в европейском обществе в позднем средневековье и продолжается по сей день, изменяются не только ценности, но и институты. Среди институтов современного общества обычно выделяют семью, церковь, образование и государство. Рационализация этих институтов затронула достаточно сильно, хотя и привела к довольно разным результатам. Параллельно с рационализацией институтов осуществлялась рационализация таких важнейших аспектов человеческой жизни как картина мира и система действия. Эти два процесса: рационализация институтов и рационализация систем мышления и действия оказывали друг на друга достаточно сильное влияние и многие черты современного общества уходят своими истоками в историю их взаимодействия.

Хорошо известно, что базовым социальным институтом средневекового общества выступала церковь, которая не только регулировала функционирование всех остальных институтов, но и определяла содержание их деятельности. Но церковь же выступала и основным источником социальной рационализации. Как отмечал М. Вебер, «современная теоретическая и практическая, интеллектуальная и прагматическая рационализация картины мира и жизненного поведения привела к одному общему результату. Он заключается в следующем: чем больше прогрессирует этот особый вид рационализации, тем больше религия оттесняется в область иррационального – с точки зрения такого интеллектуального формирования картины мира»¹.

¹ Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 55-56.

Действительно, рационализация картины мира повлияла на системы мышления и действия людей самым радикальным образом. Если прежде, в эпоху античной и средневековой науки картина мира была построена таким образом, чтобы упорядочивать мир и давать возможность приводить видимое в соответствие с мыслимым, она также была рациональной. Даже миф создавал условия для того, чтобы представить всю совокупность наблюдаемых явлений, которая, на первый взгляд, может показаться хаотическим нагромождением, как некую рационально объяснимую последовательность событий. Но для рационализации видимого мира человеку в доисторическую эпоху приходилось вводить множество фантастических невидимых персонажей, наполнять мир всевозможными духами, демонами и иными сверхъестественными существами. Затем, фантастические персонажи мифа сменились умозрительными конструкциями метафизического толка. Картина мира образованного античного грека или римлянина была уже существенно более рациональной, да и социальные институты античного полиса также претерпели существенную рационализацию. Демократические выборы в органы власти, состязательное правосудие, публичная дискуссия, основанная на применении логики и риторики, радикально изменили, образ мысли, и систему действия свободных граждан Афин или Спарты.

Следует, однако, отметить, что картина мира, созданная средствами античной философии, никогда не была рациональной в том смысле, в котором мы говорим о рациональности сегодня. Не случайно система ценностей античного социума была столь существенно замкнута на созерцание как на высшую добродетель. Умозрение как единственно доступное средство рационализации не позволяло объединить рациональное и практическое иначе как на уровне сугубо утилитарных ценностей. Самореализация была оторвана от практики, от деятельности и, в известной степени, противопоставлена ей. Здесь уже содержится прообраз христианского противопоставления земного мира людей с их желаниями и потребностями и Града Божьего, где спасение души – единственная цель и мотив действия. Миросозерцание средневекового европейца включает в себя удвоение мира, противопоставляя буквальному пространству и повседневно переживаемому времени сакральное пространство и мистически осмысленное время. Поиски господнего знамения – основа средневековой рациональности. Но при этом социальные институты оказываются во власти традиций, критика которых не входит в компетенцию мистиков. Духовная жизнь противопоставляется социальной, хотя общество и препятствует ее отрицанию. Земные блага остаются в поле зрения скорее как соблазн, а знаменитое библейское изречение о том, что удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие², надолго закрывает картину мира для экономической рациональности.

Общее для всех мировых религий понимание богатства и отношение к богатству формирует характерную для традиционного общества этику с ее абсолютизацией духовности. В современных тоталитарных обществах безрелигиозная культура выполняет те же функции, препятствуя рациональности. Когда в Восточной Европе после бархатных революций начинается процесс рационализации институтов, во второй раз происходят те же самые процессы изменения целей и ценностей. Как пишет Н. Генон, «при переходе к демократии идет двусторонний процесс рационализации целей и средств. Преодолевается политически мотивированная сверхидеологизация культуры. Действительно, разочарование в официальных целях социального развития наступило уже давно, поскольку пропаганда вступала в явное противоречие с окружающей действительностью. Но разочарования подобного типа имеют и побочный эффект – они вызывают ревизию всей ценностной системы»³. Рационализация приводит к иррациональному.

Основанием для рационализации европейских обществ послужили два процесса. Во-первых, это секуляризация общественной жизни, которая происходила под знаком уменьшения роли церкви в хозяйственной, политической и культурной сферах. Во-вторых, это изменение самой религиозной практики в ряде государств Центральной и

² Евангелие от Матфея 19:28. Подобные высказывания есть и в других Евангелиях, и в Коране, и в Талмуде.

³ Генон Н. Тенденции и парадоксы социальной рационализации // Общественные науки и современность. 1992. № 6. С. 24.

Северной Европы, получивших название реформации. Все усиливающийся светский характер общественной жизни и протестантская этика придали различные импульсы для рационализации институтов, тем более, что их действие первоначально сказывалось на развитии разных областей.

В современной философской науке продолжают попытки противопоставить Итальянское Возрождение и немецкую реформацию. Но если раньше в советской обществоведческой традиции вслед за Марксом утверждалось первостепенное значение секуляризации, то сегодня все говорят и пишут только о протестантской этике, что свидетельствует о доминировании веберовской мысли, победившем марксизм и в Европе, и в современной России. Так, например, К. Улих специально подчеркивает, что «работы М. Вебера и А. Мюллера-Армака показали, что рациональное экономическое действие возникло вовсе не вследствие секуляризации. Его основы были заложены в религии, а отношение к труду как к добродетели проявилось еще в средневековье. Реформация привела к тому, что трудовая этика стала важной составной частью жизненной установки протестанта, обозначенной Вебером как «мирская аскеза»⁴.

Эта позиция также является однобокой, ибо четко фиксирует приоритет ценностей над институтами: вначале новая этика, а затем уж новый социальный порядок. Но аргументы, приведенные Вебером, Мюллером-Армаком и другими сторонниками исключительной роли этики против утверждения о том, что новая этика рождается в контексте социального заказа, формирование которого как раз и было обусловлено секуляризацией, сводятся к тому, что протестанты оказались значительно успешнее на ниве частного предпринимательства. Между тем, развитие капитализма в Европе и рационализация социальных институтов – процесс сложный и неравномерный, а приводимые примеры слишком контекстуальны, чтобы утверждать о том, что первично, а что вторично. И институты, и ценности могут развиваться автономно друг от друга лишь короткий промежуток времени, затем возникшая автономия с неизбежностью порождает разрыв и рассогласование этих важнейших элементов любой социальной системы.

Институты представляют собой статусно-ролевые структуры, регулирующие взаимодействие людей, а ценности оформляют системы целей и их несоответствие всегда порождает системный конфликт, выходом из которых является нахождение искомого соответствия. Поэтому выстраиваемая большинством веберовцев схема, согласно которой новые идеи о мироустройстве, рожденные в религиозном опыте и в религиозном же протесте, приводят к формированию новой этики, а она, в свою очередь, перестраивает и рационализирует институты, выглядит упрощенной и не соответствующей действительности.

В пользу представленной точки зрения свидетельствует реконструкция рационализации европейского государства путем создания и модернизации гражданского общества, произведенная Р. Козелликом: «Еще до того, как абсолютистскому государству удалось – во имя обретения единого субъекта государства – дезорганизовать и уравнять между собой своих корпоративных соперников, началось и встречное движение по реорганизации «общества» как противовеса государству»⁵.

Рационализация государства как социального института оказывается невозможной без соответствующей неинституциональной эволюции общества к разряду которых, вне всякого сомнения, относится упоминаемая в цитируемом тексте встречная реорганизация общества в противовес государству. Эту мысль подтверждает приводимая далее Л.Д. Козном и Э. Арато расшифровка понятия социальной реорганизации. Реформирование общества, которое вполне можно было бы назвать параллельной рационализацией, на самом деле «вылилось в организацию ассоциаций и форм общественной жизни, способных черпать свои силы из независимых сословий, из религиозного раскола, а также из экономического предпринимательства; но каковыми бы ни были их источники, все они являлись воплощением новых эгалитарных и светских организационных принципов»⁶.

⁴ Ульрих К. «Экономический человек» глазами С. Булгакова // *Общественные науки и современность*. 1996. № 2. С. 128.

⁵ Козн Л.Д., Арато Э. *Гражданское общество и политическая теория*. М.: Весь мир, 2003. С. 135.

⁶ Там же. С. 135.

Рационализация общества или рационализация его институтов могут идти разными путями. Один из наиболее известных – построение нового политического порядка путем изменения законов. Этот путь характерен для тоталитарных государств и получил название «модернизации сверху», в отличие от «модернизации снизу», когда вначале модернизируются социальные институты, а затем политические. Мобилизационная рационализация институтов государства, семьи и др. была произведена в России после революции 1917 года. Разрушение традиционных механизмов функционирования патриархального общества и насильственная модернизация семьи не может быть названа рационализацией, потому что отменила прежние статусно-ролевые разделения, характерные для традиционной семьи, но не увеличила число степеней свободы, напротив, резко воспрепятствовав гражданским правам и свободам, которые существовали до революции. Таким образом, государство перестало быть социальным институтом, превратившись в институт надсоциальный. Из этого еще нельзя делать вывод о том, что государство не заботится об обществе, что оно враждебно обществу и т.п. Но выход из под контроля большинства автоматически приводит к противопоставлению общества и государства и, прежде всего, к противопоставлению их интересов. Вот почему социальная рационализация – это всегда модернизация снизу.

Аргументы сторонников рационализации как модернизации сверху хорошо известны: их можно разделить на две группы. Первая группа аргументов основана на идее того, что подлинно рациональной является плановое ведение хозяйства, а не экономика, не основанная на свободном рынке. Но для плановой экономики необходима ликвидация многосубъектности хозяйствования или подчинение всех субъектов такому сверхсубъекту, каким, например, являлось государство в Советском Союзе. Контраргументы здесь также хорошо известны: государство не может быть эффективным собственником, а стихия рынка является лучшим средством регуляции, ибо саморегуляция всегда лучше регуляции. В последнее время, когда крушение мировой социалистической системы и ликвидация СССР стали фундаментальными событиями новейшей истории, голоса противников рыночной экономики стали практически не слышны. Но стоило только разразиться масштабному экономическому кризису, охватившему вначале экономику США, а затем затронувшему все самые отдаленные уголки планеты, как лидеры мировой экономики стали активно вмешиваться в деятельность рынка, применять самые радикальные нерыночные меры. В странах, где монетаризм еще недавно считался господствующей идеологией, начались процессы активного расширения государственного присутствия в функционировании экономических институтов.

Сколь долго не длилась бы полемика между представителями разного понимания экономической эффективности, вторая группа аргументов против отождествления социальной и экономической рациональности связана с тем, что социальная рациональность – это забота о человеке, удовлетворение его потребностей. Этой точки зрения придерживался, например, А.А. Зиновьев, считавший советский социализм неэффективным с точки зрения экономики, но обладавший социальной эффективностью. Для обоснования этого тезиса Зиновьев вводит понятие коммунальности, утверждая, что в России из отношений коммунальности возник общественно-экономический строй, точно также как в Европе возник из отношений рынка совсем другой общественно-экономический строй. Реальный коммунизм вырастает, по мнению Зиновьева, из законов коммунальности, вытекающих из стремления людей улучшить естественные условия своего существования. Эти законы выражаются императивно как правила, которым следуют индивиды в повседневной жизни: «меньше дать и больше взять; меньше риска и больше выгоды; меньше ответственности и больше почета; меньше зависимости от других; больше зависимости других от тебя. Легкость, с какой люди открывают их для себя и усваивают, поразительна. Это объясняется тем, что они естественны, отвечают исторически сложившейся социобиологической природе человека и человеческих групп»⁷.

В контексте нашего рассмотрения важно отметить, что данный процесс – процесс построения коммунизма в СССР можно представить как закономерный и неизбежный, а можно и как случайный набор фактов. Зиновьев отмечал, что законы коммунальности ес-

⁷ Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1994. С. 64.

тественны, а вот формирование на их основе целого социума – историческая случайность, имеющая для этого общества и его будущего весьма плачевные последствия. Если в обществе не получили достаточного распространения и не укрепились такие достижения цивилизации как мораль, право, религия, пресса, гласность, общественное мнение, идеи гуманизма, то «коммунальные законы могут приобрести огромную силу и будут определять всю физиономию общества, в том числе – определять характер организаций, по идее призванных ограждать людей от них»⁸.

С Зиновьевым трудно не согласиться в том, что стихия реального коммунизма – это поиски социальной эффективности, причем предпринятые как реакция на предыдущие поиски экономической эффективности. Но при этом реформатские действия советской власти, несомненно, являлись рационализацией. Планы первой и второй пятилеток, будучи воплощенными в жизнь, действительно позволили решить проблему индустриализации, создав энергетику, тракторостроение и машиностроение. Насильственная коллективизация позволила, пусть и противоестественным путем, но создать потребителя результатов индустриализации. Появившаяся возможность выпускать танки и самолеты дала возможность защититься от внешних врагов, исторически более развитых и индустриализированных. Да и воплощение в жизнь идей социального, а не правового равенства может претендовать на роль социальной рационализации. Но при этом, степень и качество рационализации социальных институтов можно считать неудовлетворительными, что и сказалось впоследствии. Несмотря на решение задачи индустриализации, само общество не смогло эволюционировать только потому, что социальные институты не прошли той самой естественной рационализации и оказались неспособны удовлетворять общественные потребности постиндустриального общества.

Но вернемся к институтам европейских обществ классического капитализма. Их развитие также можно представить как закономерное и связать со стремлением к свободе, а можно представить как набор детерминированных случайными обстоятельствами инициатив. Так, И. Валлерстайн отметил, что стремление к свободе и прорыв в области технологии стали обликом современности, но это две разные истории и каждая из них являет свой образ современности. И это рано или поздно должно проявиться, ибо кризис одной современности дискредитирует вторую. Историческая случайность привела к тому, что «на протяжении этого длительного периода и те, кто отстаивал современность технологии, и те, кто отстаивал современность освобождения, зачастую имели дело с одними и теми же могущественными политическими противниками. Две современности, казалось, выступали в тандеме, и немногим приходило в голову прибегнуть к формулировкам, в которых между ними делалось различие»⁹. В этих условиях необходимо понять логику истории как логику отдельных рациональных инициатив, детерминированных стремлением к личной свободе.

Институт семьи в процессе построения европейской рационализации подвергся тяжелым испытаниям, которые сформировали целый ряд общественных движений, наиболее известным среди которых является движение феминизма. Оно оказывает влияние не только на сферу функционирования семьи, но и на институциональный строй в целом, но сферы политики и экономики, религии и культуры. «Феминистская версия критического анализа государства всеобщего благосостояния должна повлечь свое рефлексивное продолжение. Так, раскрепощение гражданского общества и его модернизация (в смысле замены традиционно поддерживаемых патриархальных норм коммуникативно достигнутыми нормами) – обе являются феминистскими проектами. То же следует сказать о развитии эгалитарных институтов, которые могут влиять на административные и экономические системы»¹⁰.

Из этого можно заключить, что развитие институтов в процессе социальной рационализации не тождественно рационализации политических или экономических систем, которые предельно рациональны сами по себе, но подчиняются своим собственным моделям рациональности: политические – политической, а экономические – экономиче-

⁸ Там же С. 65.

⁹ Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 127.

¹⁰ Коэн Л.Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь мир, 2003. С. 692.

ской. Решение политических задач, таких как, например, удержание власти любой ценой, позволяет приносить экономическую рациональность в жертву. При этом приходится нарушать права и активно прибегать к внеэкономическому принуждению, но политическая целесообразность при этом становится мерой рационального. Если же экономическая рациональность доминирует над всеми остальными, то наблюдается превращение денег в господство, что не менее пагубно для общества и его культуры, а значит и для человека. Политические, правовые, экономические институты никогда не должны получать более высокий статус по отношению к социальным, которые по своей природе первичны и фундаментальны.

Список литературы

1. Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003.
2. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.
3. Генов Н. Тенденции и парадоксы социальной рационализации // *Общественные науки и современность*. 1992. № 6.
4. Евангелие от Матфея.
5. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1994.
6. Козн Л.Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь мир, 2003.
7. Ульрих К. «Экономический человек» глазами С. Булгакова // *Общественные науки и современность*. 1996. № 2.

SOCIAL INSTITUTIONS IN THE PROCESS OF RATIONALIZATION OF EUROPEAN SOCIETY

M. T. Aslanova

*Stavropol
State
University*

*e-mail:
sgu.marishka@mail.ru*

The article is devoted to the changes in social institutions during the process of rationalization of European society. The correlation between the processes of rationalization of institutions and rationalization of systems of mind is considered. The main roots of social rationalization and their priority are determined in reference to political, economical and law institutions.

Key words: social institutions, rationalization, values, modernization, society.